

Вестник ТвГУ. Серия «История». 2016. № 4. С. 4–15.

ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).322.2

СВЯЩЕННИК И ПОЛИЦЕЙСКИЙ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДУХОВЕНСТВА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В XIX – НАЧАЛЕ XX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ОЛОНЕЦКОЙ ЕПАРХИИ)¹

М. В. Пулькин

Карельский научный центр, Институт языка, литературы и истории, Сектор истории, г. Петрозаводск, Россия

Статья посвящена проблемам взаимодействия духовенства и полицейского аппарата в Олонецкой губернии. Источниковой базой послужили материалы российского законодательства и судебно-следственные дела. Установлено, что в XIX–начале XX века в сотрудничестве клириков и служителей закона сложился ряд значимых направлений. К их числу относятся обеспечение порядка во время богослужений, надзор за продажей икон. Священники, знакомые с диалектами местного населения, становились переводчиками во время следствия и во время судебных разбирательств. Важным направлением сотрудничества духовенства и полиции стало активное противодействие старообрядческому влиянию. Система взаимодействия духовенства и полиции прочно закрепляла в сознании современников факт подчинения церкви государственному аппарату.

Ключевые слова: *духовенство, полиция, иконопочитание, старообрядчество, закон, крестьяне, священники.*

Взаимодействие органов защиты правопорядка и духовенства всегда оставалось естественным и закономерным процессом. Он связан, с одной стороны, с социально значимыми функциями, возлагаемыми на религиозные сообщества, а с другой – с отсутствием у них реальных возможностей противостоять наиболее радикальным проявлениям в религиозной сфере. В то же время сопряжение обязанностей духовных пастырей и лиц, связанных с поддержанием законности, вызывало негативные чувства у современников событий. «Возлагая на священников несвойственные их сану розыскные и полицейские обязанности, – пишет А. А. Папков, – правительство этими мерами сильно способствовало разобщению народа с духовенством»². В научной литературе нередко подчёркивается явное и вполне есте-

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР «Узловые проблемы истории Карелии. К столетию республики. Научные очерки и статьи», № 0225-2014-0012.

² Папков А. Упадок православного прихода (XVIII—XIX вв.). Историческая справка. М., 1899. С. 7.

ственное совпадение целей деятельности духовенства и полиции. Как писал известный правовед М. А. Рейснер, «возлагая на светскую полицию и суды обязанности религиозно-нравственного попечения и надзора, русский закон в то же время делал из духовных лиц агентов для чисто светских и мирских обязанностей»³. Цель данной статьи заключается в выявлении тех сфер, в которых взаимодействие полиции и духовенства становилось наиболее заметным и эффективным.

Приходская повседневность и полиция. Церковное законодательство XIX в., закрепляя и конкретизируя существовавшие неписанные нормы, предусматривало меры, регламентировавшие время совершения крестных ходов и направленные на охрану общественного спокойствия во время церковных процессий: «Полиция наблюдает за сохранением благочиния во время церковных торжеств, крестных ходов, водосвятия и тому подобных установленных обрядов»⁴. Во время крестного хода полиция должна была обеспечить беспрепятственное прохождение церковного шествия по улицам городов и сёл. Стражам порядка следовало добиваться, чтобы не происходило «поперечной езды» или иного «помешательства». Служители закона следили за тем, чтобы «для смотра на ход никто на улице не строил подмосток из скамей, досок, бревен или иного».

Перед крестным ходом полиция была обязана закрыть «питейные дома». Прекращалась торговля любыми товарами, «кроме съестных жизненных потребностей». Стражи порядка следили за тем, чтобы одновременно с крестным ходом не устраивались всякого рода шумные увеселения, пляски, «конские ристания» и т. п.⁵ В случае неповиновения полицейские могли прибегать к «расправе непосредственной». Они имели право заключать под стражу лиц, препятствовавших движению крестного хода⁶. Под бдительным контролем полиции находились и сами священнослужители. Во время крестного хода им запрещалось разговаривать между собой

Рарков А., *Upadok pravoslavnogo prihoda (XVIII—XIX vv.). Istoricheskaja spravka*, М., 1899, S. 7.

³ Рейснер М. А. Духовная полиция в России. Религиозно-нравственное попечение и церковный надзор. СПб.-М., 1909. С. 104.

Rejsner M. A., *Duhovnaja policija v Rossii. Religiozno-nravstvennoe popечenie i cerkovnyj nadzor*, SPb.; М., 1909, S. 104.

⁴ Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений // Церковное благоустройство. Сборник действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к духовному ведомству. М., 1901. С. 283.

Svod ustavov o preduprezhdenii i presechenii prestuplenij, *Cerkovnoe blagoustrojstvo. Sbornik dejstvujushhih cerkovno-grazhdanskih zakonopolozhenij, odnosjashhihsja k duhovnomu vedomstvu*, М., 1901, S. 283.

⁵ Там же. С. 284.

Ibid, S. 284.

⁶ Кодан С. В., Поляков И. Ю. Полицейское законодательство Российской империи. Екатеринбург, 2000. С. 138.

Kodan S. V., Poljakov I. Ju., *Policejskoe zakonodatel'stvo Rossijskoj imperii*, Ekaterinburg, 2000, S. 138.

и раскланиваться со знакомыми⁷. Старообрядцам осуществление крестных ходов вплоть до появления закона о веротерпимости 1905 г. категорически запрещалось⁸. Богослужения совершались под обязательным строгим полицейским надзором. В инструкции петрозаводским городским подчеркивалась особая роль низового звена полиции во время литургии и совершения таинств. Городовые, находившиеся в церкви, обязывались наблюдать за тишиной и спокойствием: они «очищают для духовенства путь среди церкви, помогают выйти из церкви почувствовавшим себя дурно». Согласно закону полицейские «не позволяют, чтобы около церкви во время богослужения была музыка, пение и другие шумные увеселения»⁹. К надзору за духовенством подключалась и тайная полиция. Жандармам следовало принимать решительные меры в том случае, если хотя бы один из сельских священников «несоответственным его сану поведением и неблаговидными поступками вызывает ропот прихожан». Донеся своему начальству, жандармы обязывались одновременно сообщать об отступлениях от благочестия местному архиерею для принятия церковно-административных мер воздействия на нарушителей¹⁰.

В поле зрения полиции находились явные нарушения церковного таинства брака. Здесь речь шла преимущественно о фиксации девиантных проявлений в отчетах полицейского ведомства. Судя по рапорту повенечкого земского исправника, «главнейший порок черного народа и в особенности раскольников состоит в прелюбодеянии». Многие староверы «проводят всю жизнь свою, не быв женаты, имея однако ж у себя в домах так называемых стряпух или подворниц». Нарушители церковных правил и норм закона «оставляют с ними прижитых детей, не признав их своими кровными». Причина такого положения, по мнению полицейского, состояла в особенностях вероисповедания. Они «страшатся через брачные узы сопричислену быть к православным по случаю совершения над ними таковых браков»¹¹. Изредка полиции приходилось применять силу для пресечения попыток похищения невест и принудительного совершения обрядов. В 1879 г. один из крестьян

⁷ *Ивановский Я.* Обзор церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству (применительно к Уставу духовных консисторий и Своду законов). СПб., 1883. С. 139.

Ivanovskij Ja., Obzrenie cerkovno-grazhdanskih uzakonenij po duhovnomu vedomstvu (primenitel'no k Ustavu duhovnyh konsistorij i Svodu zakonov), SPb., 1883, S. 139.

⁸ Инструкция приходским священникам Олонецкой епархии в деле борьбы с расколом // Олонецкие епархиальные ведомости. 1900. № 22. С. 758.

Instrukcija prihodskim svjashhennikam Oloneckoj eparhii v dele bor'by s raskolom, Oloneckie eparhial'nye vedomosti, 1900, № 22, S. 758.

⁹ Инструкция городским Петрозаводской городской полиции. Петрозаводск, 1888. С. 25.

Instrukcija gorodovym Petrozavodskoj gorodskoj policii, Petrozavodsk, 1888, S. 25.

¹⁰ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. 19. Оп. 2. Д. 3/41. Л. 1.

National Archive of the Republic of Karelia (NA RK), F. 19, Op. 2, D. 3/41, L. 1.

¹¹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9/32. Л. 478.

Ibid, F. 1, Op. 1, D. 9/32, L. 478.

Вытегорского уезда похитил местную девушку с намерением «обвенчаться с нею, хотя и против её желания». Обряд не удалось совершить из-за решительного вмешательства местной полиции¹².

Постепенное усложнение организации религиозной жизни приводило к росту числа тех сфер, в которых духовенству приходилось взаимодействовать с полицией. Одной из таких сфер стал контроль за сбором пожертвований на церковные нужды. Епархиальное начальство снабжало сборщиков пожертвований специальными разрешениями и книгами для записи поступивших сумм. Эти документы подтверждали право собирать деньги в пользу церкви. Полиция пресекала деятельность тех сборщиков, которые действовали самостоятельно, без разрешения епархиального начальства. Так, в инструкции городовым, составленной в мае 1888 г., предписывалось «задерживать нищих, просящих милостыню, а также тех сборщиков на церкви и монастыри, которые не имеют выданных от епархиального начальства, предъявленных местной полиции, книжек и вообще лиц, производящие какие-либо сборы без надлежащего разрешения»¹³.

Иконопочитание и полиция. Деликатная сфера иконопочитания имела существенные аспекты, связанные с компетенцией правоохранительных органов, действовавших совместно с духовенством. В 1855 г. священник Лексинского погоста указывал в своём объяснении благочинному, что в его приходе обнаружилась странная икона. На ней в верхней части располагалось изображение Спасителя, а в нижней – канонизированные старообрядцами местные наставники. Полиция конфисковала икону, священника обвинили в небрежном исполнении обязанностей. Как говорилось в выписке из журнала консистории, он «по званию пастыря и долгу священного сана обязан был сам, без всякой просьбы, предварить земскую полицию о продаже соблазнительных икон, в пресечение зла, могущего от сего произойти»¹⁴.

В народном понимании «любое обнаружение иконы в каком-либо неожиданном месте могло быть понято как явление»¹⁵. С таким упрощённым подходом как церковь, так и губернская полиция не могли мириться. Все чудесные явления икон становились предметом пристального внимания местной духовной власти и стражей порядка. Так, вырозерский священник С. Ильинский в 1886 г. обнаружил в своём приходе при доме крестьян Овчинниковых икону Божией Матери Троеручицы. Как выяснилось, икона «древняя, именуемая местными и окрестных приходов жителями чудотворною». Помолиться перед ней приходили крестьяне из разных мест,

¹² Похищение невесты // Олонецкие губернские ведомости. 1879. № 9. С. 99.

Pohishhenie nevesty, Oloneckie gubernskie vedomosti, 1879, № 9, S. 99.

¹³ Инструкция городовым Петрозаводской городской полиции. Петрозаводск, 1888. С. 9.

Instrukcija gorodovym Petrozavodskoj gorodskoj policii, Petrozavodsk, 1888, S. 9.

¹⁴ НА РК. Ф. 25. Оп. 8. Д. 3/11. Л. 7.

NA RK, F. 25, Op. 8, D. 3/11, L. 7.

¹⁵ *Тарасов О. Ю.* Икона и благочестие. Очерки иконного дела в императорской России. М., 1995. С. 55.

Tarasov O. Ju., Ikona i blagochestie. Oчерki ikonnoгo dela v imperatorskoj Rossii, M., 1995, S. 55.

«даже и из Повенецкого уезда», принося с собою «пожертвования деньгами, восковыми свечами, полотенцами, холстом и прочим». Приношения крестьяне Овчинниковы «употребляли в свою пользу». Настойчивые просьбы причта поделиться, отдать часть пожертвований в пользу приходской церкви не имели успеха. Решающее слово в споре осталось за полицией. Становой пристав провёл следствие, во время которого крестьяне неосмотрительно заявили, что «они отдать икону в приходскую церковь не согласны»¹⁶. Консистория сослалась на синодальный указ от 21 февраля 1722 г., по которому «иконы, оглашаемые чудотворными, должны быть немедленно отбираемы и поставляемы в ризницы кафедральных соборов». Новый аналогичный указ Синода, датированный 14 мая 1878 г., говорилось далее в журнале консистории, предписывал, «чтобы духовенство, в случае оглашения каких-либо икон чудотворными, не оставляло их в своих церквях и не совершало перед ними священнодействий, а немедленно доложило о сем епархиальному начальству»¹⁷. Полиция отобрала икону и передала её в ризницу Петрозаводского кафедрального собора¹⁸.

Изготовление новых образов осуществлялось на непрофессиональном уровне и приобрело характер сезонного промысла. Вскоре на эту проблему обратило внимание епархиальное, а затем и полицейское начальство. В 1865 г. к архиепископу Аркадию явился протоиерей Фёдор Рождественский. Священник обнаружил на ярмарке в Петрозаводске «не только грубые, но и суемудренные иконы». Сомнительные образа, утверждал протоиерей, регулярно привозятся из Владимирской губернии. Они «свободно выставляются на рынке и продаются без всякого освидетельствования местной духовной цензуры». Здесь же находились и «раскольнические иконы, картины и книги», которые «тайно продаются за большие деньги»¹⁹. По распоряжению архипастыря представители местного духовенства в сопровождении полиции осмотрели лавки торговцев иконами и установили, что все выставленные на продажу образа написаны в разных деревнях Владимирской губернии. Найденные иконы «отличаются отсутствием всякого искусства и эстетичности, а равно грубыми приемами», что «составляет общую черту всех живописных работ и картин, продающихся везде по самым дешевым ценам». Ничего предосудительного в исследованных иконах местные священники не обнаружили. В итоге полиция закрыла дело²⁰.

Новое рассмотрение этого вопроса относится к 1868 г. Олонецкий губернатор поручил петрозаводскому духовенству во главе с протоиереем

¹⁶ НА РК. Ф. 1. Оп. 10. Д. 71/34. Л. 1–1 об.

НА РК, Ф. 1, Оп. 10, Д. 71/34, Л. 1–1 об.

¹⁷ Там же. Л. 2.

Ibid, L. 2.

¹⁸ Там же. Л. 14.

Ibid, L. 14.

¹⁹ Там же. Ф. 25. Оп. 8. Д. 13/24. Л. 1.

Ibid, F. 25, Op. 8, D. 13/24, L. 1.

²⁰ Там же. Л. 5.

Ibid, L. 5.

Николаем Лебедевым освидетельствовать имевшиеся в продаже иконы. Итог оказался тревожным. Комиссия донесла, что «иконы продаются на ярмарочной площади в балаганах <...> общая черта всех продаваемых икон есть совершенное отсутствие иконописного искусства. Лики, например, Господа, Божией Матери и святых изображены весьма грубо и несоответственно святости изображаемого, краски самые простые и во всем заметна одна безвкусная простота». Для предотвращения подобных нарушений архиепископ предложил олонецкому губернатору, руководившему полицией, объединить усилия. При открытии ярмарок стражи порядка и духовенство обязывались «свидетельствовать привозимые для продажи иконы»²¹. Здесь они могли опереться на законодательные нормы, согласно которым «неискусно написанные» иконы, а тем более «писанные в странном и соблазнительном виде» следовало отбирать «при содействии полиции»²².

Духовенство и полицейский аппарат. Полиция регулярно привлекала местных священников к судебным разбирательствам в качестве переводчиков. Участие священников в тяжбах и допросах оказалось эффективным способом решения проблемы языкового барьера между местным населением и администрацией, но не могло продолжаться долго: «... хоть при некоторых следствиях переводчиками бывают священники и церковнослужители, на кого можно б положиться (курсив мой. – М. П.), но требовать их постоянно к сему невозможно»²³. Есть и другие аналогичные примеры. Они показывают, что духовенство привлекалось полицией к выявлению вредных слухов. Как говорилось в циркуляре губернского жандармского управления, датированном 1882 г., «добросовестные священники» обязаны «обращать постоянное внимание на современное настроение сельского населения». Если окажется, что в среде прихожан распространяются «ложные слухи о несуществующих правительственных распоряжениях и другие клонящиеся к нарушению общественного спокойствия или уклонению от установленного порядка, то о таких слухах тотчас доводить до сведения местных уездных исправников»²⁴.

Иногда священникам приходилось напрямую, не информируя полицию, заниматься оперативным, не терпящим отлагательств предотвращением массовых беспорядков, вызванных тревожными слухами. Узнав о манифесте от 17 октября 1905 г., некоторые крестьяне Вытегорского уезда, как писал местный священник, «восприняли его превратно». Они решили «ехать целым обществом и разгромить ближайшие лесные дачи частных землевладельцев». Крайние демонстративные меры, полагали крестьяне, необходимы для того, чтобы правительство «узнало об их недостатках и

²¹ НА РК, Ф. 25, Оп. 8, Д. 15/5, Л. 8–9 об.

NA RK, F. 25, Op. 8, D. 15/5, L. 8–9 ob.

²² *Ивановский Я.* Указ. соч. С. 136.

Ivanovskij Ja., *Op. cit.*, S. 136.

²³ НА РК, Ф. 1, Оп. 24, Д. 6/13, Л. 6–6, об.

NA RK, F. 1, Op. 24, D. 6/13, L. 6–6, ob.

²⁴ Там же. Ф. 19, Оп. 2, Д. 5/55, Л. 15.

Ibid, F. 19, Op. 2, D. 5/55, L. 15.

удовлетворило их нужды». Не соглашавшихся с ними осторожных односельчан они хотели «подвергнуть собственному суду и избиению». Священнику, исполнившему в данном случае роль служителя закона, с трудом удалось путём уговоров предотвратить беспорядки²⁵.

Другим важным направлением сотрудничества полицейского аппарата и духовенства стало присутствие священников в местах лишения свободы. Необходимость взаимодействия тюремного начальства и служителей церкви объяснялась тем, что духовенство и полиция выполняли единую миссию: занимались профилактикой правонарушений. В частности, повсюду в России церковное пение рассматривалось как важный инструмент исправления нравов. Олонецкая губерния не стала исключением. Как видно из обзора за 1905 г., при тюремной церкви в городе Вытегре полицией в творческом сотрудничестве с духовенством был «организован отдельный певческий хор из любителей»²⁶. Белое духовенство играло заметную роль в перевоспитании преступников, находившихся в местах заключения. Священники активно сотрудничали в этом сложном вопросе с полицией и – в особенности – с тюремной администрацией²⁷. Существенным новшеством в пенитенциарной системе, призванным улучшить самочувствие арестованных, стало появление особых православных церквей при петрозаводской, вытегорской и лодейнопольской тюрьмах. В них священники регулярно произносили проповеди, делали «частные наставления и увещания» осужденных. На особом положении находилась тюрьма в губернском городе, при которой состоял специально назначенный священник. Его обязанности заключались в том, что кроме «отправления богослужений и проповедничества» он занимался катехизацией: обучением арестантов основным истинам православного вероучения²⁸.

Полиция в борьбе против староверов. В основу репрессивной политики, нацеленной против старообрядческого влияния, со времени никоновских реформ было положено чёткое взаимодействие церковной и светской

²⁵ Маклюнов К. Из села Ухты, Вытегорского уезда // Олонецкие епархиальные ведомости. 1906. № 1. С. 26–27.

Makljonov K., *Iz sela Uhty, Vytegorskogo uezda*, Oloneckie eparhial'nye vedomosti, 1906, № 1, S. 26–27.

²⁶ Обзор Олонецкой губернии за 1905 год. Петрозаводск, 1906. С. 37.

Obzor Oloneckoj gubernii za 1905 god, Petrozavodsk, 1906, S. 37.

²⁷ Остапенко П.–И. Проблемы использования труда осужденных в тюрьмах Кубанской области 2-й половины XIX в. // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 1 (6). С. 258–259; Тихомиров Е. В. Участие православного духовенства в деятельности общества попечительного о тюрьмах в Вологодской губернии // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 13. С. 81–85.

Ostapenko P. I., *Problemy ispol'zovanija truda osuzhdennyh v tjur'mah Kubanskoj oblasti 2-j poloviny XIX v.*, Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo instituta, 2008, № 1 (6), S. 258–259; Tihomirov E. V., *Uchastie pravoslavnogo duhovenstva v dejatel'nosti obshhestva popechitel'nogo o tjur'mah v Vologodskoj gubernii*, Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie, 2011, № 13, S. 81–85.

²⁸ Обзор Олонецкой губернии за 1891 год. Петрозаводск, 1892. С. 48.

Obzor Oloneckoj gubernii za 1891 god, Petrozavodsk, 1892, S. 48.

властей. Тяжкие и опасные труды, связанные с выявлением старообрядцев, церковное законодательство в первую очередь возлагало на приходское духовенство. Священники обязывались регулярно доносить епархиальному преосвященному о состоянии раскола «с описанием своих действий, как по охранению православных в истинной вере, так и по вразумлению заблуждающих». Епархиальное начальство обращалось за содействием к светской власти, в том числе и к полиции, на которую закон возложил обязанность «ограждать Церковь от оскорблений и не допускать заблуждающих к внешним оказательствам ереси и к действиям, могущим производить соблазн»²⁹.

К середине XIX в. в процессе становления и развития органов правопорядка прежние хаотичные меры российского правительства превратились в чёткие нормы законов. Правовые акты недвусмысленно ориентировали полицию на применение самых жёстких репрессивных мер. Закон запрещал староверам строить часовни, создавать в своих домах отдельные комнаты-молельни, печатать и продавать книги. Особое внимание полиции законодатель обращал на тех радикальных противников господствовавшей церкви, которые «принадлежат к ересям, соединенным со свирепым изуверством и посягательством на жизнь свою или других». Полиции в данном случае следовало всеми законными способами пресекать осуществление «таковых изуверных покушений»³⁰.

Инициатива в выявлении новопостроенных старообрядческих моленных чаще всего исходила от приходских священников. Благодаря длительному опыту они без труда могли обнаружить старообрядческую моленную по косвенным признакам. В их числе особое значение имели: отказ допустить в дом приходского иерея или миссионера–представителя «господствующей» церкви, регулярные массовые посещения жилища одного из старообрядцев его сторонниками (особенно в дни церковных праздников), наличие особого кладбища, на котором без участия духовенства совершаются обряды погребения, и пр. Излагая свои наблюдения, священник просил местную светскую власть, и особенно её «силовые структуры», чаще всего в лице урядника, вмешаться и прекратить незаконные собрания.

Местное церковное и полицейское начальство считало выявление моленных крайне непростым делом. Каргопольский уездный исправник доносил Олонецкому губернатору: «... доказать путём свидетельских показаний посещение посторонними лицами моленной немислимо». Если в ней «бывает сборище молящихся, то обнаружение сего, при предпринимаемых в подобных случаях раскольниками предосторожностях, так же нелегко». Сбор улик «может быть разве делом случайным» и связан с редкой удачей, когда полиции «удалось бы накрыть сборище в момент совершения бого-

²⁹ Устав духовных консисторий // Церковное благоустройство... С. 8.

Ustav duhovnyh konsistorij, Cerkovnoe blagoustrojstvo, S. 8.

³⁰ Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской империи. СПб., 1859. Т. XIV. С. 309–310.

Ustav o preduprezhdenii i presechenii prestuplenij, Svod zakonov Rossijskoj imperii, SPb., 1859, T. XIV, S. 309–310.

служения, каковое действие, впрочем, требует особой осмотрительности, дабы не возбудить возможных в данном случае столкновений»³¹. Дальнейшее развитие событий зависело от служебного рвения и темперамента служителя закона, а также от способности старообрядцев откупиться и таким способом прекратить преследования.

Репрессивные меры в отношении старообрядческих моленных и их хозяев дифференцировались в зависимости от того, где располагалась моленная. Моленная, находящаяся в отдельном, нежилом помещении, подвергалась немедленному разрушению. Если же моленная располагалась в жилом доме и её разрушение могло привести к уничтожению жилья целой семьи, действия полиции отличались большей осторожностью. Хозяин старообрядческой моленной, расположенной в одной из деревень в Олонецком уезде, в 1837 г. дал земскому исправнику подписку в том, что в дальнейшем не станет собирать в своём доме старообрядцев. Он обязывался также «раскольничьей моленной в доме не устраивать под опасением строжайшего за неисполнение сего по законам взыскания»³² и такой ценой сохранил свою избу.

Для полиции «вероисповедные искания старообрядцев не представляли самостоятельного интереса». Все религиозные нормы, вырабатываемые старообрядческими толками, расценивались стражами порядка односторонне. Полиция мыслила «исключительно в категориях преступлений политического (непризнание законности правящей династии) или уголовного (побег, уклонение от уплаты налогов, выполнения рекрутской повинности) характера»³³. Для противодействия старообрядческому влиянию иногда привлекались полицейские чины, действовавшие в тесном сотрудничестве с приходским духовенством. В частности, на исправников в первой половине XIX в. возлагались обязанности, связанные с быстрым решением конфессиональных вопросов. Так, в 1836 г. Олонецкое губернское правление приказало олонецкому исправнику выяснить обстоятельства перехода одного из местных крестьян «в раскол» и по мере возможностей добиться возвращения статус-кво. В ответном рапорте исправник сообщал, что он всячески склонял крестьянина Артемьева вернуться в православную веру, но тот «остался непреклонным» и «вынудил» исправника «сделать постановление». Упорствовавший старообрядец заявил полицейскому: «Пусть хошь меня вешают и на куски тело режут». Тогда он станет мучеником, но не отречется от своей веры. Для того чтобы побыстрее добиться положительных изменений в религиозном сознании своего оппонента, исправник

³¹ НА РК. Ф. 25. Оп. 10. Д. 78/42. Л. 2.

NA RK, F. 25, Op. 10, D. 78/42, L. 2.

³² Там же. Оп. 46. Д. 10/270. Л. 73.

Ibid, Op. 46, D. 10/270, L. 73.

³³ *Дутчак Е. Е.* Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таяжских общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.). Томск, 2007. С. 38.

Dutchak E. E., Iz «Vavilona» v «Belovod'e»: adaptacionnyye vozmozhnosti taezhnyh obshhin staro-verov-strannikov (vtoraja polovina XIX – nachalo XXI v.) Tomsk, 2007, S. 38.

решил прибегнуть к помощи местного духовенства, но новоявленный старообрядец, используя слабость и неэффективность местной полиции, легко смог скрыться³⁴.

Наследие прошлого сохранялось и в начале XX в. После появления указа о веротерпимости полицейские периодически действовали по инерции, вспоминая былое. В 1911 г. у старообрядческих наставников в Лодейнопольском уезде полиция конфисковала купель, в которой они производили крещение. В ответ на жалобы пристав пояснил: «Купель действительно была отобрана как вещественное доказательство» к делу о наставниках Воронове и Лукине, «перекрестивших в старообрядчество в холодной воде совершенно больную крестьянку Пестову, которая вскоре после крещения и умерла»³⁵. Неоднократные обращения старообрядцев в полицейское управление не имели успеха³⁶.

В условиях веротерпимости и прекращения гонений на старообрядчество внимание силовых структур всё более переключалось на преследование сектантов. Тайная полиция рассматривала новые религиозные движения как угрозу существовавшему строю и потенциальную опору революционных движений. Полицейское начальство полагало, что «между разрушительными устремлениями революционеров и колебанием устоев господствующей в России православной церкви существует тесная связь». Те и другие усилия в конечном результате направлялись к единой цели – ниспровержению существующего в России строя. Поэтому «сектантство в России, объединившееся на почве враждебного отношения к православию, искони уже признается с государственной точки зрения явлением безусловно вредным». Сектанты «вследствие своей косности обыкновенно не дают должного отпора враждающим в их среде крайним элементам». Последние «зачастую достигают руководящего положения в отдельных сектах». Они «получают возможность прививать своим последователям социалистические воззрения и даже увлекать последних на путь активной противоправительственной деятельности»³⁷.

Итак, полиция и православное духовенство активно сотрудничали в ряде сфер своей профессиональной деятельности. К числу таковых относятся выявление неправильно написанных икон и пресечение их распространения, активное участие полиции в проведении церковных шествий. Незаменимой становилась помощь полиции в пресечении деятельности старообрядческих наставников, враждебно настроенных по отношению к господствующей церкви и приходскому духовенству. Со своей стороны духовенство помогало перевоспитанию преступников, содержащихся в

³⁴ НА РК, Ф. 169, Оп. 5, Д. 1/9, Л. 21.

NA RK, F. 169, Op. 5, D. 1/9, L. 21.

³⁵ Там же, Ф. 2, Оп. 15, Д. 30/352, Л. 5.

Ibid, F. 2, Op. 15, D. 30/352, L. 5.

³⁶ Там же, Л. 6.

Ibid, L. 6.

³⁷ НА РК, Ф. 19, Оп. 2, Д. 63/17, Л. 7–7 об.

NA RK, F. 19, Op. 2, D. 63/17, L. 7–7 ob.

тюрьмах, выявляло негативные слухи, способные стать источником народных волнений. Некоторые священники, знавшие местные диалекты, становились переводчиками при проведении допросов и сборе сведений о преступлениях и происшествиях. Сложившаяся система взаимодействия духовенства и полиции предполагала не только повседневную опеку, но и контроль правоохранительных органов над клириками, прочно закрепляя в сознании современников подчинение церкви государственному аппарату.

Список литературы:

1. *Дутчак Е. Е.* Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 458 с.
2. *Кодан С. В., Поляков И. Ю.* Полицейское законодательство Российской империи. Екатеринбург: Зерцало-Урал, 2000. 426 с.
3. *Остапенко П. И.* Проблемы использования труда осужденных в тюрьмах Кубанской области 2-й половины XIX в. // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 1 (6). С. 252–259.
4. *Тарасов О. Ю.* Икона и благочестие. Очерки иконного дела в императорской России. М.: Прогресс-культура, 1995. – 496 с.
5. *Тихомиров Е. В.* Участие православного духовенства в деятельности общества попечительного о тюрьмах в Вологодской губернии // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 13. С. 81–85.

PRIEST AND POLICEMAN: INTERACTION CLERGY AND LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN THE XIX - EARLY XX CENTURY (MATERIALS OF OLOLNETS EPARCHY)

M.V. Pulkin

The Karelian Research Center, the Department of History Institute of Language, Literature and History, *Petrozavodsk, Russia*

The article is devoted to problems of interaction of the clergy and the police apparatus in Olonets province. Source base were the materials of the Russian legislation and the judicial and investigative proceedings. It was found that in the XIX-beginning of XX century, in collaboration of clergy and ministers of the law has developed a number of important areas. These include maintaining order during the services, supervision of sale icons. Priests who are familiar with the dialects of the local population, became translators during the investigation and during the court proceedings. An important area of the co-operation of the clergy and the police became active opposition to the influence of the Old Believers. Clergy and police cooperation system is firmly fixed in the minds of his contemporaries fact the church subordination state apparatus.

Keywords: clergy, the police, the veneration of icons, the Old Believers, the law, peasants, priests.

Об авторе:

ПУЛЬКИН Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, сектор истории, Институт языка, литературы и истории, Карельский научный центр, (185910, Россия, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11), e-mail: vmp@sampo.ru

About the author:

PULKIN Maxim Viktorovich – The Candidate of History, the Senior Researcher, the Department of History, the Institute of Language, Literature and History, the Karelian Research Center, (185910, Russia, Republic of Karelia, Petrozavodsk, st. Pushkinskaya, 11), e-mail: vmp@sampo.ru

References

- Dutchak E. E., *Iz «Vavilona» v «Belovod'e»: adaptacionnye vozmozhnosti taezhnyh obshhin staroverov-strannikov (vtoraja polovina XIX–nachalo XXI v.)*, Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 2007. – 458 s.
- Kodan S. V., Poljakov I. Ju., *Policejskoe zakonodatel'stvo Rossijskoj imperii*, Ekaterinburg, Zercalo-Ural, 2000. – 426 s.
- Ostapenko P. I., *Problemy ispol'zovanija truda osuzhdennyh v tjur'mah Kubanskoj oblasti 2-j poloviny XIX v.*, Vestnik Vladimirsogo juridicheskogo institute, 2008, № 1 (6), S. 252–259.
- Tarasov O. Ju., *Ikona i blagochestie. Oчерki ikonnogo dela v imperatorskoj Rossii*, M., Progress-kul'tura, 1995. – 496 s.
- Tihomirov E. V., *Uchastie pravoslavnogo duhovenstva v dejatel'nosti obshhestva popечitel'nogo o tjur'mah v Vologodskoj gubernii*, Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie, 2011, № 13, S. 81–85.

Статья поступила в редакцию 16.09.2016 г.